

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Г85

Издательство выражает благодарность
Марии Ренёвой и журналу «Дружба народов»
за содействие в приобретении прав.

Гриневский, Александр Олегович.

Г85   Аргиш / Александр Гриневский. — Москва : Эксмо,
2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-114043-4

Роман Александра Гриневского «Аргиш» дополняет и развивает традицию «робинзонады» в новейшей истории отечественной литературы. Четверо туристов решили увлекательно провести отпуск, заброситься на вертолете на знакомую речку, сплавиться на резиновых лодках. А был туман, дождь, летчики все напутали, и теперь вместо знакомых речных берегов перед ошеломленными мужиками расстилаются каменистые пустоши с редкими проплешинами мха. Даже непонятно, куда именно их забросили, — мобильная связь, разумеется, отсутствует, по карте ничего не поймешь. Разумные советуют сидеть и ждать помощи, нетерпеливые гонят вперед — надо идти к реке. На третий день они выйдут к реке, развернут лодки и начнут сплавляться...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

© Гриневский А., текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-114043-4

«АРГИШ» Александра Гриневского — произведение, способное воззвать к чувствам и женщин, и мужчин, молодых и зрелых читателей.

Романтика чувств, красота природы, закрученная интрига — всё есть в этом произведении.

В этом романе действуют герои наших дней, они ищут пути спасения — от врагов, от прекрасной, но враждебной природы и от обладания сокровищами — настоящими и виртуальными.

Бегство от обладания сокровищами любви — что может быть более захватывающим, непростибельным и печальным...

*Ирина Степановская,
современная российская писательница,
автор любовных романов*

Роман читается легко и захватывающе, множество удачных описаний, образов, свой узнаваемый стиль, интересные повороты сюжета. Сделано крепко.

И хорошо, что чаще всего он течёт неспешно, как широкая река...

*Екатерина Каликинская,
современная писательница, журналист, автор
многочисленных произведений для детей*

Читается легко, интрига тянет читателя, язык очень хороший (как всегда). Особенно понравилось, что автор объёмно прописал психологию всех значимых образов из действующих лиц. Все они живые.

Черта авторского творческого метода — детальное правдоподобие мира, который ты создаёшь в произведении.

То, что вещь воспринимается разными талантливыми читателями по-разному, и при этом для каждого сохраняется то главное, что старался заложить в текст автор, — это очень здорово! Это высший класс текста.

*Александр Преображенский,
детский писатель, прозаик*

Читая «Аргиш» Гриневского, сложно удержать от реминисценций к «Сталкеру» Тарковского, знаковому произведению ещё одной эпохи безвременья в нашей стране. И вот, спустя десятилетия, в Зону идут другие. Но нет уже с ними Сталкера, нет веры, да и Зона стала другой. Враждебной, уже безо всяких иллюзий. И три жизни сгорают, как лампочки, в которые вместо вакуума попал воздух.

А как же четвёртый — сын врача, увязавшийся за героями? Ребёнок Сталкера — порождение Зоны. В Зоне он и рождается по-настоящему. И обретает свою Веру. Именно он и может стать настоящим Сталкером — человеком, который никогда не станет частью Зоны, но будет всегда стремиться в неё. И отведёт туда новых героев.

Я убеждён, что подлинное высказывание нельзя сделать, создать специально. То есть сделать-то можно, но оно будет плоским, искусственным. Настоя-

щие, объёмные метафоры создаются интуитивным талантом, их автор не замышляет и не планирует. У Вас это получилось, поздравляю ещё раз.

*Виталий Полосухин,
российский писатель-прозаик, сценарист*

...слов не хватает, воздуха не хватает. Лишь единственный вопрос автору. Как? Как возможно создать такое?! Невероятно живое изложение. Невозможно было оторваться, хотелось прочитать залпом. Я уже не помню, какая книга меня так выбрасывала из реальности...

*Мария Ренева,
художник-иллюстратор*

Когда начала читать «Аргиш» Александра Гриневского, была приятно удивлена. Динамично, интересно и «мой» язык и образ мышления: действия и события.

Остроумные диалоги и много юмора:

— *Дождик находит. Вон всадники дождя поскакали. — Виталик смотрел в небо. Тучи утянуло выше, уже не давили. Висели ровно, только кое-где из них вырывались узкие размытые сгустки, чем-то напоминавшие столбы дыма, но тянущиеся не вверх, а вниз — к земле.*

— *Во, какие ты слова знаешь. — Колька остановился. — Я вот ни разу про всадников не слышал.*

— *Так книжки надо, Коль, читать, книжки. А не только бабло рубить да по Канарам ездить.*

А потом внезапно становится страшно. Тут и сплавы по рекам, и ненцы в чуме, и обстрелы, и опасность, и вертолёты! И многодневные блужда-

ния по лесной чаще практически без еды, и алмазы. Настоящая жизнь, не то что в городе, в офисных клетушках.

Природа и свобода! Мне безумно понравилось.

*Александра Бекренёва,
автор книжного блога об интеллектуальной
литературе и об англоязычных книжных новинках*

Часть I

ТУДА...

Ящерка распласталась по стволу поваленного дерева, до белизны вымытого дождями и высушенного ветром. Замерла, подставляя коричневую спинку лучам солнца, что, пробиваясь сквозь нависающую листву, причудливыми пятнами разукрасили ковёр беломошника.

Шум реки здесь не был слышен. Тихо. Загадочно тихо — как порой бывает только в лесу, когда не слышен щебет птиц.

Вдруг...

Ствол поваленного дерева всё так же белел, тянул свои заско-рузлые ветви вверх, так же светило солнце. Вот только ящерки на нём не было.

Ласка пружинисто замерла, утопая короткими лапами во мху, почти касаясь его брюшком. Держит ящерку, та обвисла, лишь оттопыренная лапка быстро подрагивает да покачивается тонкая травинка возле мордочки ласки.

Тихо...

Если смотреть сверху, через иллюминатор самолёта, замершего в разлитой синеве яркого зимнего дня, то среди белых за-платок заснеженных полей, обрамлённых размытыми пятнами лесных массивов, среди разбросанных мусором деревень и по-сёлков можно увидеть широкую белую полосу, плавными изги-бами уходящую за горизонт, — Волгу.

Александр ГРИНЕВСКИЙ

А если присмотреться внимательно, то почти перпендикулярно к этой плавно изгибающейся полосе примыкает ещё одна, но куда меньше — река Хотча.

Раньше-то, старики помнят, речка была не ахти — так себе речка — небольшая, заросшая. Но вот зарегулировали Волгу плотинами и водохранилищами, и в Хотче вода поднялась — разлилась, что твоя Москва-река.

На слиянии, на правом берегу Волги, расположился Белый Городок — вот именно что городок, не город.

Всё как положено — разбросанные по углу слияния рек, по берегу, дома, есть и кирпичные пятиэтажки.

Красивая, обновлённая весёлой краской церковь на мысу провожает проплывающие летом пароходы. Разросшееся кладбище.

Бездействующий сейчас судоремонтный завод вытянулся вдоль по берегу Хотчи, обозначен вмёрзшими в лёд и заметёнными снегом судами — может, когда и поплывут, но верится с трудом — догнывать они брошены.

Сварные ржавые гаражи для хранения лодок — по кромке берега, рваной искривлённой цепочкой. Крыши прогнулись, провалятся вот-вот под наметёнными сугробами.

Ну и конечно, разлапистое монументальное здание с колоннами на крохотной площади, которую и площадкой-то назвать стыдно, — отсюда ещё четыре года назад направляли, руководили и доглядывали.

Стоит, держится из последних сил посеревший от времени исхлётанный ветрами воин над пустой бетонной звездой у ног — погас Вечный огонь, лишь списки погибших на стене под нависающим снежным козырьком вбиты намертво, да голое древко без привычно развевающейся красной материи тычется в небо.

Замело городок. Людей не видно, все по домам. Лишь дежурные бабушки у дверей магазина с незамысловатой снедью

на приступке. Кто же сейчас купит, не лето, приезжих здесь нет. Мужики маются бездельем и пьют, жёны орут и тоже пьют. Девчонки — рожают, старухи — доживают, старики — померли. Работы нет, денег нет, судоремонтный, который худо-бедно кормил, два года как закрылся. До Москвы — сто шестьдесят километров — так не доберёшься. Сначала надо автобусом, потом электричкой, а автобус всего два раза в день. Какая Москва? Не наездишься. Живи — на снег смотри.

Дверь магазина приоткрылась, ровно настолько, чтобы пропустить человека. Морозостойкие бабушки у входа даже не повернулись — знали, отслеживали, кто вошёл, кто вышел. Этот — не покупатель — шагун-одиночка, пришлый. Хлеб, яйца, масло, макароны, тушёнка, бутылка водки — всё. На этот раз ошиблись.

Высокий, худой, нет... скорее, не худой — поджарый, со злым узким городским лицом, лет сорока пяти мужчина попросил взвесить три кило картошки. Пока застывшими руками доставали безмен, вешали картошку, он приценился к солёным огурцам, напиханным в трёхлитровую банку, квашеной капусте, замерзающей в мокром целлофановом пакете, сразу отложил связку из четырёх засохших вяленых лещей, которых Яковлевна пыталась продать аж с самого лета. Купил всё, не торгуясь. Загрузил в рюкзак. Бабушки подобострастно суетились, помогая, многозначительно переглядывались.

Мужчина с трудом перекинул рюкзак лямкой через плечо и, не спеша, стараясь не поскользнуться на утрамбованном снегу тропинки, заменившей этой зимой асфальтовый тротуар, направился вдоль домов в сторону Волги. Бабушки смотрели вслед, ждали, когда отойдёт, не терпелось обсудить удачный торговый день и выдвинуть свои предположения: к чему бы это чужаку закупать столько еды? То, что к пьянке, — понятно, но вот с кем пьянка-то? Может, женщина какая появилась? А то всё один да один... Может, новая, приезжая?

Александр ГРИНЕВСКИЙ

Не было у него никакой женщины. Вернее, была когда-то, но не сейчас.

Мужчина удалялся, бабушки судачили, поглядывая вслед, но вышла покурить продавщица Людка, встала на крыльце, зябко запахиваясь в меховую безрукавку, и всё внимание переключилось на неё. Как она после того раза? Ишь ты, даже не посмотрит — гордая. И синяк, смотри-ка, уже почти прошёл. Быстро...

Мужчина пропал из вида, свернул в проулок.

Двухэтажный дом барачного типа на три подъезда, скрипучая раздолбанная дверь, привязанная к ржавой пружине поверху. Обил снег с ног о ступеньки.

По лестнице, вдоль ярко синих стен, на второй этаж. Кнопка звонка на косяке.

Сначала в приоткрывшуюся щель с одиноким «мявом» вынесло кошку, торкнулась в ноги и, обогнув, поскакала по лестнице. Только после этого дверь окончательно распахнулась, являя одутловатую фигуру хозяина, — коренастый, невысокий, жидкие волосы рассыпью, широкое лицо, мелкие глаза с хитринкой, кофта на пуговицах, чёрные штаны, не пойми какого покроя. Пахло затхлым и тёплым.

— Заходи.

— Не, не буду. Всё, как договаривались?

— Ты же знаешь, я сказал — не подведу. Растоплю, воды наносу, а уж дальше подбрасывать сами будете. К которому часу-то?

— Давай к четырём.

— Ладно. Уже топится. Может, пройдёшь?

— Нет, пойду, — протянул бутылку водки, что предусмотрительно держал за пазухой, — ты только это...

— Не бойсь. Всё будет чики-пики. Сказано — сделано.

Кошка сидела внизу, перед дверью. Пока, наваливаясь, открывал, тёрлась об ноги. Унесло в приоткрытую щель, куда-то вдоль дома.

АРГИШ

Берёза у подъезда тянула обсыпанные инеем ветви ввысь, в синее небо. Казалось, вымерзла вся.

Посмотрел на часы — вот-вот должны подъехать — зашагал к дому.

И действительно, не опоздали. Колькин чёрный «Паджеро» нагло маячил у подъезда инородным красивым телом, не вписываясь в засыпанным белым пейзаж. Мотора не слышно, лишь воздух прозрачно переливается у выхлопной.

Приехали.

Баня стояла на берегу Хотчи среди разномастных лодочных гаражей. Узкая тропинка неряшливо вспарывала белизну.

Банька маленькая — втроём еле уместились. В парной жарко, а в крохотном предбаннике — холодно, на лавку голой жопой не сядешь — примёрзнешь. Зато хочешь — в снег, а хочешь — подвывая беги до проруби. Вот она, в двадцати метрах раззявилась чёрной ямой, дышит стужей.

В прорубь, конечно же, никто не полез, а вот в снегу повалялись с гиканьем и матерками.

Баня много времени не заняла — в предбаннике холод собачий, ни посидеть, ни расслабиться, пива не попить.

К дому шли по узенькой тропке уже в темноте. Радость встречи, невнятица банных утех остались позади. Сейчас в темноте, проходя мимо домов со светящимися жёлтыми окнами, примолкли, шли друг за другом. На приезжих навалилось незнакомое, бездомное. Хотелось света и тепла.

— Блин! Ну, ты и забрался в тьмутаракань! — Николай оступился с тропинки и черпанул ботинком снег. — Как тут только люди живут!

— Нормально живут, — Андрей не обернулся, не замедлил шага. — Ещё не ясно, где лучше жить — здесь, в этой глубинке, или в вашей Москве.

— Ладно, не начинай, — Николай легко пошёл на попятную.

Александр ГРИНЕВСКИЙ

— Ты только не забывай, — следом встрял и их перебранку Виталий, — это не только наша Москва, но и твоя тоже. Прожил-то здесь всего два месяца и как уже заговорил...

— Ну положим, не два, а все три, — спокойно парировал Андрей.

— Всё-всё, сняли этот вопрос, — Николай на ходу повернулся к Виталию и показал кулак. — Ты мне вот что, Андрюха, скажи, как мы у тебя разместимся? Ведь выпивать сейчас станем. А у тебя однушка. На полу?

— Не бери в голову, всё продумано. Я же готовился... Диван и раскладушка, а я на спальнике, на полу.

— Так, может, ещё и девочки будут?

— Ага, давай я тебе местных доярок подгоню, хочешь?

— Да... чувствую, предстоит нам ночка... — задумчиво протянул Виталий. — Колька, он же спяну храпеть будет как паровоз.

Когда-то очень давно, ещё в самом начале жизни, они были одноклассниками, со всеми вытекающими... и сейчас, когда возраст неумолимо подкатывал к полтиннику, отношения остались в чём-то прежними — говорить друг другу можно было что угодно и о чём угодно. Они не были замазаны общей работой, добыванием денег, женщинами. С одной стороны — чужие люди, обременённые семьями, проживающие каждый свою жизнь, с другой — те же пацаны, заряженные на совместное времяпровождение и сомнительное веселье, старающиеся, как и раньше, соблюдать честность и верность по отношению друг к другу, помогать если не делом, то хотя бы словом. Никто из них никогда не задумывался об этом — просто жили и продолжали дружить, несмотря ни на что.

А жизнь у каждого складывалась по-своему.

Разная жизнь...

Андрюха, к примеру, стал врачом-анестезиологом, защитил кандидатскую, женился, родил сына. На работе — всё пугём —

АРГИШ

уважение и уже деньги начали валиться, да вот попала вожжа под хвост — с женой развёлся, работу бросил, квартиру сдал и сюда, в эти заюпки, в эти снега. Похудел, лицо заострилось, извёлся от злобы. На кого, на что?

С Колькой всё просто. Он бизнесмен. Производство своё — небольшое, правда, но пока существует. Работа для него — всё, ну и бабки, конечно. Семьи не видит, не отдыхает, пашет и пашет. И ведь интересно ему... Прёт, как танк, да и сам такой же — невысокий, кряжистый, короткостриженный.

А с Виталяком — непонятно. Вечная улыбка на лице, наме-тившийся живот, и какой-то он не от мира сего, но добрый. Не получается у него что-то в этой жизни. Институт, правда, закончил. Двух девок родил. Сидит в государственной конторе, зарплата — мизер, на проезд с трудом хватает, жена — пилит. И откуда в нём эта жизнерадостность? Всё для него — фигня! Всё, что ни делается, — к лучшему.

Трое выбирались гуськом по тропинке на освещённую редкими фонарями дорогу, блестящую снежным прессованным накатом.

С шумом, со сбиванием снега с ног на тёмной лестничной площадке ввалились в снимаемую Андреем однушку на третьем — последнем — этаже длинного, с облупившимся фасадом дома.

Виталий задумчиво поцокал языком, увидев яркую лампочку в прихожей, голо свисающую на запылённом перевитом проводе.

В комнате: старый продавленный диван, заправленный коричневым пледом с распластанным китайским тигром; стол с компьютером возле окна — свисают грязно-жёлтые занавески; стул, громадный шкаф в углу — притаился, готовый навалиться и подмять под себя; сложенная раскладушка со скрученным матрасом и обои по стенам с выцветшим неразборчивым рисунком.